

Говард Филлипс Лавкрафт

Старый сумасброд

(Old Bugs)

*Сентиментальная импровизация Марка Лоллия,
проконсула Галлии*

Бильярдная Шихана, что украшает одну из узких улочек, затерянных в глубине складского района Чикаго, не самое изысканное место. Воздух этого заведения, пропитанный тысячью запахов наподобие тех, которые Кольридж нашел в Кёльне, крайне редко озаряется очистительными лучами солнца, хотя и пытается отвоевать территорию у едкого дыма бесчисленных сигар и сигарет, что зажаты между шершавых губ бесчисленных человеческих особей, ошивающихся у Шихана днем и ночью. Для непреходящей популярности, которой пользуется это место, есть причина – очевидная любому, кто даст себе труд исследовать царящий там дурман. Сквозь смесь запахов и изнуряющую духоту пробивается аромат, который некогда был хорошо известен повсюду, а ныне постановлением человеколюбивого правительства успешно вытеснен на задворки жизни, – аромат крепкого, незаконного виски, поистине великолепный образчик запретного плода для 1950 года новой эры.

Заведение Шихана – признанный центр подпольной торговли спиртным и наркотиками в Чикаго, и в качестве такового оно пользуется определенным почетом, который распространяется даже на самых неказистых его посетителей; однако до недавнего времени среди них был один, представлявший собой исключение из общего правила, – тот, кто разделял лишь грязь и убожество этого места, но не его славу. У него было прозвище Старый Сумасброд, и он был самым дрянным элементом этой дрянной обстановки. Многие пытались угадать, кем он был прежде, – ибо, когда он доходил до известной стадии опьянения, его речи и сама манера говорить повергали окружающих в изумление; определить же, кем он является сейчас, было не столь трудно: Старый Сумасброд олицетворял собой жалостливый тип горемычного забулдыги. Никто толком не знал, откуда он тут взялся. Однажды вечером он неистово ворвался к Шихану, с пеной у рта требуя виски и гашиша; получив то, что хотел, под обещание все отработать, он с тех пор околачивался в бильярдной, мыл полы, протирал плевательницы и стаканы и выполнял множество других подобных поручений в обмен на выпивку и наркоту, которые поддерживали в нем жизнь и здравый рассудок.

Говорил он мало и, как правило, на обычном жаргоне низов; но иногда, воодушевленный особенно щедрой порцией неразбавленного виски, мог ни с того ни с сего затянуть череду многосложных слов или высокопарных прозаических и стихотворных отрывков, которые заставляли некоторых завсегдатаев бильярдной заподозрить, что он знал лучшие дни. Один постоянный посетитель, банкир, растративший деньги клиентов и находившийся в бегах, регулярно вел со стариком беседы и по его манере говорить заключил, что тот в свое время был писателем или преподавал. Однако единственным осязаемым следом его прошлого была

выцветшая фотография, запечатлевшая красивые и благородные черты лица молодой женщины, – фотография, которую Старый Сумасброд всегда держал при себе. Время от времени он вынимал ее из своего рваного кармана, осторожно освобождал от оберточной бумаги, в которую она была завернута, и часами глядел на нее с несказанной горечью и нежностью. Женщина на фотографии ничем не напоминала особу, знакомства с которой естественно ожидать от обитателя жизненного дна, – это была благовоспитанная и знатная дама, облаченная в причудливый наряд тридцатилетней давности. Старый Сумасброд и сам выглядел как частица прошлого, ибо на его не поддающейся описанию одежде лежала печать старины. Он был очень высокого роста, наверное больше шести футов, хотя порой из-за сутулости казался ниже. Волосы его, седоватые и свисавшие клочьями, давно не знали расчески, а покрывавшая его худощавое лицо растительность, похоже, навсегда замерла на стадии грубой щетины, которой не суждено принять почтенный вид бороды и усов. В его облике, некогда, вероятно, благородном, ныне читались удручающие следы разгульной жизни. В свое время – скорее всего, в среднем возрасте – он, несомненно, был очень полным, но теперь сделался ужасно худым, щеки его обвисли, под мутными глазами виднелись багровые мешки. Одним словом, Старый Сумасброд являл собой не самое приятное зрелище.

Поведение старика было не менее причудливо, нежели его вид. Обыкновенно он соответствовал образу отщепенца, готового сделать что угодно за пятицентовик, порцию виски или дозу гашиша; однако изредка он обнаруживал другие свойства своей натуры, благодаря которым и получил свое прозвище. Тогда он пытался расправить плечи, и в его запавших глазах загорался некий огонь. Его манеры становились на редкость учтивыми и полными достоинства, и находившиеся вокруг туповатые создания вдруг начинали ощущать его превосходство, и это сдерживало их желание дать пинок или затрещину бедняге, являвшемуся обычно предметом всеобщих насмешек. В такие моменты он демонстрировал язвительный юмор и сыпал замечаниями, которые завсегдатаи бильярдной находили абсурдными и нелепыми. Но вскоре чары рассеивались, и Старый Сумасброд продолжал, как и прежде, мыть полы и чистить плевательницы. Он был бы идеальным работником, если бы не одно обстоятельство – его поведение в ситуации, когда молодежь брала свою первую выпивку. Старик тогда яростно и возбужденно поднимался с пола, бормоча предостережения и угрозы и стараясь отговорить новичков от стремления «познать жизнь как она есть». Он гневно брызгал слюной, раздражаясь длинными увещеваниями и странными заклятиями, и его жуткая серьезность заставляла содрогнуться не один одурманенный ум в переполненной людьми зале. Впрочем, спустя некоторое время его ослабленный алкоголем мозг терял нить рассуждений, и старик с глуповатой ухмылкой опять брался за швабру или тряпку.

Не думаю, что большинство завсегдатаев бильярдной Шихана забудет тот день, когда там появился юный Альфред Тревер. Он был в некотором роде находкой, этот одаренный и пылкий юноша, который «не знал меры» во всем, за что бы он ни брался, – так, по крайней мере, утверждал Пит Шульц, поставлявший Шихану наркотики; Питу доводилось встречать этого паренька в колледже Лоуренс, расположенном в маленьком городке Эплтон в Висконсине. Родители Тревера были уважаемыми людьми в Эплтоне. Его отец, Карл Тревер, был адвокатом и почетным гражданином города, мать же снискала известность как поэтесса под своим

девичьим именем Элинор Уинг. Альфред, также преуспевший на поэтическом и ученом поприщах, страдал некоторой инфантильностью, делавшей его идеальной добычей шихановского поставщика. Светловолосый, симпатичный, избалованный, жизнелюбивый, он жаждал вкусить всевозможных развлечений, о которых ему случалось читать или слышать. В колледже он прославился как член глумливого студенческого братства «Открой свой кран», где был самым буйным и веселым среди буйных и веселых юных гуляк; но это легкомысленная студенческая вольница его уже не удовлетворяла. Из книг он знал о пороках более глубоких, и ему не терпелось познакомиться с ними на собственном опыте. Возможно, эту склонность к необузданности отчасти стимулировало угнетение, коему он подвергался в отчем доме, – ибо у миссис Тревер имелись особые причины держать своего единственного ребенка под строгим контролем. На юности самой Элинор лежала неизгладимая печать ужаса, вызванного беспутством человека, с которым она некоторое время была обручена.

Юный Гальпин, тот самый жених, был одним из выдающихся сынов Эплтона. С детства отличавшийся поразительными умственными способностями, он снискал широкую известность в Висконсинском университете, а в возрасте двадцати трех лет вернулся в Эплтон, чтобы занять профессорскую должность в колледже Лоуренс и надеть кольцо с бриллиантом на палец красивейшей девушки города. Некоторое время все шло благополучно, но затем внезапно разразилась буря. Пагубное пристрастие, начало которому некогда положила первая выпивка в лесном уединении, взяло над молодым профессором верх и стало явным для окружающих; только поспешное увольнение позволило ему избежать ответственности за урон, нанесенный нравственности вверенных его заботам учеников. Контракт с ним разорвали, Гальпин переехал на восток и попытался начать жизнь заново; однако вскоре жители Эплтона узнали о том, что их земляк с позором уволен из Нью-Йоркского университета, где он преподавал английский язык. Тогда он посвятил себя работе в библиотеках и чтению публичных лекций, неизменно выказывая в своих монографиях и выступлениях на различные литературные темы столь выдающееся дарование, что, казалось, публика должна когда-нибудь простить ему былые прегрешения. Его пылкие речи в защиту Вийона, Эдгара По, Верлена и Оскара Уайльда были с не меньшим успехом приложимы к нему самому, и в короткую золотую осень славы Гальпина поговаривали о его новой помолвке с девушкой из интеллигентной семьи, жившей на Парк-авеню. Но затем случился еще один срыв. Последний проступок, в сравнении с которым прежние выглядели сущими пустяками, развенчал иллюзии тех, кто был готов поверить в исправление юноши; распростившись со своим именем, Гальпин перестал появляться на людях. Периодически возникавшие слухи ассоциировали его с неким «консулом Гастингом», чьи сочинения для театра и кино неизменно привлекали внимание основательностью и глубиной авторских познаний; однако через некоторое время Гастинг исчез из поля зрения публики, и Гальпин стал всего-навсего именем, которое родители произносили в знак предостережения своим детям. Элинор Уинг вскоре вышла замуж за Карла Тревера, перспективного молодого адвоката, а воспоминаний о прежнем воздыхателе хватило лишь на то, чтобы назвать его именем своего единственного сына и преподать нравственный урок этому красивому и упрямому юноше. И вот теперь, несмотря на этот урок, Альфред Тревер появился у Шихана, готовый опрокинуть первую в своей жизни рюмку.

– Босс! – заорал Шульц, войдя со своей юной жертвой в пропитанное скверными запахами помещение. – Познакомься с моим другом Элом Тревером, лучшим гулякой Лоуренса – это, знаешь ли, в Эплтоне, в Висконсине. Он, кстати, из приличного общества: его папаша – главный крючкотвор-юрист в том городишке, а мать – литературная знаменитость. Он хочет познать жизнь как она есть – почувствовать вкус настоящего виски: только помни, что он мой друг, и обращайся с ним как следует.

Едва прозвучали фамилия Тревер и названия Лоуренс и Эплтон, собравшиеся в зале бездельники ощутили нечто необычное. Возможно, то был всего лишь стук столкнувшихся шаров на бильярдном столе или дребезжание стаканов, донесшееся из таинственных пределов подсобки, – возможно, лишь это да еще странный шелест грязных штор у одного из тусклых окон – но многим показалось, что кто-то заскрежетал зубами и очень глубоко вздохнул.

– Рад познакомиться, Шихан, – произнес Тревер спокойным, учтивым тоном. – Я впервые в подобном месте, но я изучаю жизнь и не хочу пренебрегать никаким опытом. В этом тоже есть поэзия, знаете ли – или, может, не знаете, но это не важно.

– Дружище, – ответствовал хозяин, – если хочешь увидеть жизнь, ты попал в подходящее место. Здесь есть все – и реальная жизнь, и славная гулянка. Пусть это чертово правительство пытается подогнать всех людей под свои мерки, если ему так приспичило, но оно не помешает парню накатить, когда ему это в радость. Чего ты хочешь, дружище, – спиртяги, кокса или какого другого топлива? У нас есть все, что ни попросишь.

По словам завсегдатаев бильярдной, именно в этот момент в размеренных, монотонных движениях швабры возникла пауза.

– Я хочу виски – старого доброго ржаного виски! – с энтузиазмом воскликнул Тревер. – Должен сказать, что мне расхотелось пить воду, после того как я прочитал о веселых попойках, которые были обыкновенным делом для студентов былых времен. Теперь меня всякий раз мучает жажда при чтении анакреонтической лирики[5] – и утолить эту жажду может лишь нечто покрепче воды.

– Анакреонтическая – что это, черт возьми, такое?

Несколько постоянных клиентов вскинули глаза, так как юноша копнул немного глубже, чем следовало. Но банкир-растратчик объяснил им, что Анакреонт был распутником, жившим давным-давно и писавшим про забавы, которым он предавался в те времена, когда весь мир напоминал заведение Шихана.

– Слушайте-ка, Тревер, – продолжал растратчик. – Шульц ведь говорил, что ваша мать занимается литературой, так?

– Да, черт побери, – ответил Тревор, – но это не имеет ничего общего с древним теосийцем! Она – одна из тех скучных моралистов, которые существуют везде и всегда и стремятся изгнать из жизни всякую радость, сочиняя сентиментальную дребедень. Вы когда-нибудь слышали о ней? Она пишет под своим девичьим именем Элинор Уинг.

В этот миг Старый Сумасброд выронил из рук метлу.

– Ну, вот твоя выпивка, – жизнерадостно объявил Шихан, внося в зал поднос с бутылками и стаканами. – Старое доброе виски – забористой во всем Чикаго не найдешь.

Глаза юноши заблестели, а ноздри втянули запах коричневатой жидкости, которую хозяин плеснул в его стакан. Этот запах вызвал у него отвращение, свойственная ему от природы тонкость чувств была возмущена; однако он намеревался во что бы то ни стало познать жизнь во всей ее полноте и потому сохранял самоуверенный вид. Но прежде чем его решимость подверглась испытанию, произошло нечто непредвиденное. Старый Сумасброд, внезапно распрямившись, подскочил к юноше и выбил у него из рук стакан с виски, затем не мешкая атаковал своей шваброй поднос с бутылками и стаканами, которые спустя мгновение превратились в россыпь битых стекол, плавающих в луже пахучей жидкости. Несколько человек (или существ, некогда бывших людьми) опустились на колени и принялись лакать разлитое по полу виски, но большинство посетителей замерли, наблюдая за небывалой выходкой уборщика-отщепенца.

Старый Сумасброд развернулся к оторопевшему Треверу и кротким, учтивым тоном произнес:

– Не делайте этого. Когда-то я был таким, как вы сейчас, и сделал это. Результат – перед вами.

– Чего вы добиваетесь, чертов старый шут? – выкрикнул Тревер. – Чего вы добиваетесь, мешая джентльмену развлекаться в свое удовольствие?

Тем временем Шихан, придя в себя, выступил вперед и опустил массивную руку на плечо старого бродяги.

– Это была твоя последняя выходка, старик! – гневно воскликнул он. – Когда джентльмен хочет здесь выпить, ей-богу, он должен это получить, и ты не вправе ему мешать. А теперь убирайся отсюда, пока я сам не вышвырнул тебя вон.

Но Шихану следовало бы лучше разбираться в психопатологии и учитывать последствия нервного возбуждения. Старый Сумасброд, крепче ухватив свою швабру, принялся орудовать ею, как македонский гоплит – копьем, и вскоре расчистил вокруг себя изрядное пространство, попутно выкрикивая бессвязные обрывки цитат, среди которых чаще других слышалось: «...Велиаловы сыны, хмельные, наглые».

Зал сделался похож на адский чертог, люди кричали и вопили от страха перед монстром, которого они пробудили в безобидном доселе пьянчуге. Тревер пребывал в замешательстве и, когда побоище достигло апогея, вжался в стену. «Он не должен пить! Он не должен пить!» – рычал Старый Сумасброд, и это, кажется, была уже не цитата. В дверях бильярдной появились полицейские, привлеченные доносившимся изнутри шумом, но они не спешили вмешаться в происходящее. Между тем Тревер, охваченный страхом и навсегда исцелившийся от желания познать жизнь посредством приобщения к пороку, незаметно продвигался поближе к внось

прибывшим людям в синей форме. Если бы только ему удалось улизнуть и сесть на поезд до Эплтона (размышлял Тревер), он счел бы свое обучение разгулу полностью завершенным.

Внезапно Старый Сумасброд перестал размахивать своим копьём и застыл на месте, вытянувшись во весь рост – таким прямым его здесь еще никто ни разу не видел. «Ave, Caesar, moriturus te saluto!» – возгласил он и рухнул на пропахший виски пол, чтобы уже никогда не подняться.

Последующие впечатления никогда не изгладятся из памяти юного Тревера. Зрелище было смутным, но незабываемым. Полицейские прокладывали себе путь сквозь толпу, подробно расспрашивая посетителей о случившемся и о мертвом теле, распластавшемся на полу. Шихан подвергся особенно тщательному допросу, однако добиться от него каких-либо полезных сведений о Старом Сумасброде не удалось. Потом банкир-растратчик вспомнил про фотографию и предположил, что ее приобщат к делу с целью произвести опознание. Нехотя обыскав жуткую фигуру с застывшим взглядом, полицейский обнаружил завернутую в бумагу карточку и велел собравшимся в зале передать ее по кругу.

– Какая цыпочка! – плотоядно покосился на прекрасное лицо один пьянчуга, но те, кто был трезв, глядели на изящные, одухотворенные черты почтительно и смущенно.

Похоже, никому было не под силу определить, кто запечатлен на снимке, и все дивились тому, что отщепенец-наркоман мог носить при себе подобный портрет, – все, кроме банкира, который тем временем в немалой тревоге взирал на прибывших полицейских. Ему-то еще ранее удалось кое-что разглядеть под маской дегенерата, которую носил при жизни Старый Сумасброд.

Наконец фотография переключалась к Треверу, и юноша переменялся в лице. Вздвогнув, он быстро завернул изображение в бумагу, словно хотел защитить его от грязи, царившей в бильярдной. Затем он долгим, изучающим взглядом посмотрел на тело, лежавшее на полу, отметив про себя высокий рост и аристократичность черт, которая проступила лишь сейчас, когда тусклое пламя жизни уже погасло. Нет, поспешно сказал он в ответ на обращенный к нему вопрос, он не знает, кто изображен на фотографии. Она была сделана так давно, добавил он, что едва ли кто-то сможет ныне узнать эту женщину.

Но Альфред Тревер не сказал правды – об этом многие догадались, когда он проявил заботу о теле умершего и вызвался организовать похороны в Эплтоне. Над каминной полкой в его домашней библиотеке висела точная копия этого портрета, и всю свою жизнь он знал и любил его оригинал.

Ибо эти утонченные и благородные черты принадлежали его собственной матери.

*Перевод: Сергей Антонов
2010 год*